

Пономарева Анна Юрьевна

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОНЯТИЯ "ИДЕАЛЬНЫЙ ДОМ" В ПРОИЗВЕДЕНИИ Г. БЕЛЛЯ "ДОМ БЕЗ ХОЗЯИНА"

Статья раскрывает содержание концепта "дом" в романе Генриха Белля "Дом без хозяина". Основное внимание в работе автор уделяет выявлению и описанию средств репрезентации данного концепта, а также описанию идеальных семейных отношений, которые тесно связаны с понятием "дом" в художественной картине мира писателя.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/5-1/33.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (23): в 2-х ч. Ч. I. С. 128-131. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Самыми частотными ассоциациями респондентов, владеющих селькупским языком, стали *čobjr* 'ягода', *karat čobjr* 'клюква'. Реакции второй и третьей групп испытуемых совпадают с вербальными реакциями носителей селькупского языка: *ягода, клюква, мох, вода, кормилец*. Данные ассоциаты свидетельствуют о позитивном восприятии болота селькупками, поскольку оно играло и продолжает играть большую роль в жизни данного миноритарного этноса, служит источником пропитания.

Полученные экспериментальным путем вербальные реакции представителей селькупского и русского этносов на стимулы **место, небо, солнце, болото** свидетельствуют о существенных различиях как в категоризации пространства селькупками и русскими, так и в восприятии различных объектов окружающей среды.

Список литературы

1. Прокофьева Е. Д. Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1976. С. 106-128.
2. Русский ассоциативный словарь / под ред. Ю. Н. Караулова. М.: Помовский и партнеры, 1994. Кн. 1. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Ч. 1. 216 с.
3. Тханг Л. Т. Пространственная модель мира: когниция, культура, этнопсихология (на материале вьетнамского и русского языков): дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1993. 304 с.

FEATURES OF SPACE CATEGORIZATION BY THE SELKUPS AND RUSSIANS (BY THE DATA OF ASSOCIATION EXPERIMENT)

Polyakova Natal'ya Vladimirovna, Ph. D. In Philology
Tomsk State Pedagogical University
nataliapoliakova@yahoo.com

The author considers the features of space categorization by the representatives of Selkup and Russian ethnic groups, obtained as a result of free association experiment with three groups of test subjects: actively speaking the Selkup language, passively speaking the Selkup language, not speaking the Selkup language representatives of one of the minority ethnic groups of Siberia.

Key words and phrases: association experiment; verbal response; categorization; space; the Selkup language; the Russian language.

УДК 821.112.2

Филологические науки

Статья раскрывает содержание концепта «дом» в романе Генриха Белля «Дом без хозяина». Основное внимание в работе автор уделяет выявлению и описанию средств репрезентации данного концепта, а также описанию идеальных семейных отношений, которые тесно связаны с понятием «дом» в художественной картине мира писателя.

Ключевые слова и фразы: концепт; языковая картина мира; дом; идеальный образ.

Пономарева Анна Юрьевна

Российский государственный университет
ponomareva201@yandex.com

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ИДЕАЛЬНЫЙ ДОМ» В ПРОИЗВЕДЕНИИ Г. БЕЛЛЯ «ДОМ БЕЗ ХОЗЯИНА»[©]

Нет необходимости говорить о значимости, которую имеет дом в жизни каждого народа, однако каждый народ вкладывает в это понятие разное содержание. Любая культура познается через концепт «дом». Например, по Г. Гачеву, «дом – это макет мироздания, национальный Космос в миниатюре. Здесь земля (пол), небо (крыша), стороны света (стены) и т.д... человек творит дом... – по своему образу и подобию. Как в нашем теле заключена душа и просвечивает сквозь тело, так дом - тело на нас; человек во плоти – как душа в доме...дом строится как схема того, что человек видит вокруг, так что по дому можно изучать воззрение народа на мир... А с другой стороны, дом... строится и есть выражение нутра человека, невидимого устройства его души, проекция сокровенного микрокосмоса» [7, с. 38]. Исследователи З. Д. Попова и И. А. Стернин отмечают, что даже русский концепт «душа» концептуализируется через метафору «дом»: «...в чужую душу можно проникнуть как в чужой дом,... в душе может погаснуть свет, в ней можно жить, она может быть открытой и закрытой и т.д.» [Там же, с. 77]. Таким образом, можно наблюдать, как «когнитивный образ отсылает абстрактный концепт к материальному миру... и наполняет его конкретным образным содержанием, позволяющим его закрепить в универсальном предметном коде мышления» [Там же].

Традиционно в немецкой литературе концепт «дом» является одной из важных составляющих национальной картины мира. Данный макроконцепт включает в себя такие концепты, как «среда и место обитания», «семья», «семейный очаг», «родной кров», «память о предках», «связь поколений». У каждого дома есть свои традиции, он хранит и оберегает семейные ценности. О высокой важности концепта «дом» в немецком мировоззрении свидетельствует также тот факт, что само это слово вынесено в название романа Г. Белля «Дом без хозяина».

Однако в литературе послевоенной Германии прослеживается тенденция к разрушению традиционного понимания концепта «дом». Дом представляется здесь как неопределенное стремление к порядку и стабильности. Жилища, изображенные в романе Г. Белля «Дом без хозяина», – это продукт войны, «фабрики вдов», «писатель стремится заглянуть в существо того, что произошло после войны, оценить прошлое и понять настоящее» [8, с. 69]. Война разрушила «немецкий дом», а вместе с ним состояние «покоя и уюта», «закрытого пространства» – категорий, имеющих большое значение для немецкого менталитета. Так, Генрих Белль отмечает в «Франкфуртовских лекциях»: «Для немцев же действительность – это невозможность жить в доме своем, неприкаянность, известная не только из послевоенной литературы; конечно, со статистической точки зрения все где-то и как-то живут (даже бездомные бродяги зарегистрированы статистикой) – но, похоже, живут во времянках, всегда готовые сорваться с места» [2, с. 61]. В романе выстраивается целая система образов дома. В основу взята оппозиция реального и идеального мира. Как справедливо отмечает исследователь С. В. Рожновский, Генрих Белль «контрастирует идеальный и реальный миры, показывая тем самым, как далека действительность от идеала» [8, с. 69].

Местечко Битенхан занимает особое место в системе художественных образов романа. Это своего рода рай. Автор рисует нам идеальную картину: разбросанные по лесу дома-фахверки (*Fachwerkhäuser in den Wald gestreut* [1, с. 241]), подстриженные лужайки (*auf dem harten, kurzgeschnittenen Rasen* [Там же, с. 15], *Der Rasen war geschnitten* [Там же, с. 313]), пруд. Здесь дядя Билль ловит рыбу голыми руками, чтобы потом отпустить ее [Там же, с. 15].

Интересно, что в тексте всего произведения слова, имеющие большое значение для главных героев, выделяются курсивом: *unmoralisch* (аморальный) [10, S. 288, 205, 263, 268], *Geld* (деньги) [Ibidem, S. 253, 204], *Blut im Urin* (кровь в моче) [Ibidem, S. 173, 202, 263] и т.д. (Примечателен тот факт, что в этом ряду выделенных слов не существует какой-либо моральной, этической градации, а также субъективной оценки, и, наряду с религиозной лексикой (*Moraltheologie- Теология, Dogmatik - Догматика* [Ibidem, S. 165]), мы можем встретить и бранное слово, врезавшееся в память одиннадцатилетнего Генриха, «*Scheiße*» (зд. Черт!) [Ibidem, S. 20], оставленное ему «в качестве наследства» [1, с. 20] от бывшего сожителя матери). Неслучайно, что в ряду «странных» слов встречается и название местности - *Bietenhahn* [10, с. 15]. Время, проведенное в Битенхане, представляется мальчишкам самым веселым и приятным: «*Am schönsten war es in Bietenhahn*» [Ibidem, S. 16] (Пер.: «Лучше всего было в Битенхане» [1, с. 6]), «*Und dort draußen tat Brielach manchmal, was er selten tat: lachen*» [10, S. 15] (Пер.: «И Брилах, всегда такой неулыбчивый, смеется там от души» [1, с. 6]). Поэтому, искупая свою вину перед сыном за «аморальное» поведение, Нелла Бах «в качестве вознаграждения» [Там же] использует, наряду с мороженным и посещением кинотеатра, поездку в Битенхан.

Как показывает материал произведения, дом в Битенхане, принадлежащий матери дяди Альберта, – это идеальный образ «дома». Каждый раз, когда в романе появляется описание времени, проведенного в Битенхане, текст изобилует эпитетами: *freudig* [10, S. 314] (радостный), *freundlich* [Ibidem, S. 313, 314] (дружелюбный), *glücklich* [Ibidem, S. 314] (счастливый), *warm* [Ibidem, S. 313] (теплый) и т.д. Герои здесь чувствуют себя в безопасности.

Нельзя также недооценивать значение цвета для описания идеального образа дома в Битенхане. Распространенным эпитетом здесь выступает желтый цвет. Примечательно, что Белль уделяет большое внимание предметам быта, которые обычно оставляются без внимания: *gelbe Plätzchen* [Ibidem, S. 315] (желтые формочки для теста), *der leuchtend gelbe Korb* [Ibidem, S. 242] (светящаяся желтая корзина). Это подчеркивает тот факт, что в сознании героев концепт «дом» репрезентируется с помощью предметов домашнего обихода. А наблюдение об использовании желтого цвета созвучно высказыванию И. В. Гете о том, что данный цвет «обладает светлой природой и отличается ясностью, веселостью и мягкой прелестью..., желтый цвет производит исключительно теплое и приятное впечатление» [4, с. 313]. В. О. Кандинский также отмечает, что желтый – это «типично теплый цвет» [6, с. 64].

Следует отметить, что эпитет «желтый» употребляется также для описания другого идеального образа «дома»: утопического домика, в котором происходит встреча Неллы Бах и ее мужа, Райя, во время его отпуска из армии. Здесь, однако, автор подчеркивает нереальность образа, избегая прямого указания на желтый цвет и заменяя его эпитетом «медовый» («*honigfarben*» [10, S. 44] – цвета меда). Аппеляция к вкусовым ощущениям, безусловно, усиливает образ, кроме того, чувство «приторности» представляет контраст с реалиями военного «голодного» времени. Многочисленные повторы только усиливают впечатление: «*honigfarbene Läufer, honigfarbene Tapete, honigfarben überzogene Polstermöbel..., honigfarbener Telefonapparat... Toast und Ei, Tee und Fruchtsaft und alles – auch die Servietten – so honigfarben, daß es fast nach Honnig zu riechen schien*» [Ibidem]. (Пер.: «Медово-желтые дорожки, медовые обои, медовая мебель, медовый телефон... Поджаренные ломтики хлеба, яйца, чай и фруктовый сок и все – включая салфетки – настолько медового цвета, что казалось, даже пахнет медом [1, с. 21]). Автор придает образу еще большую выразительность, наделяя его запахом. Таким образом, происходит перцепция образа на трех уровнях: зрительном, вкусовом и обонятельном.

Для описания идеальной действительности в Битенхане Генрих Белль использует также такое художественное средство, как «синестетическую метафору» [9, с. 278]. Данный прием, сближая перцептивные каналы, не только способствует приданию многоплановости художественному образу, но и повышает степень его значимости: «Es roch warm und süß» [10, S. 313] (пахло тепло и сладко), *Glockengeläuter klang warm und dunkel* [Ibidem, S. 315] (звон колоколов звучал тепло и темно). Основанный на синтезе ощущений, данный вид метафоры отражает комплексный характер процесса восприятия окружающего мира. С эпитетом «hell» (светлый) звуки приобретают эмоционально-оценочную окраску и выражают интенсивность ощущения: «und Wilma lachte hell und glücklich» [Ibidem, S. 314] (Пер.: «Вильма смеялась звонко и радостно» [1, с. 177]), «das helle Tittern der Tischtennisbälle» [10, S. 314] (Пер.: «Мячики так звонко цокают» [1, с. 176]).

Интересно, что в Битенхане детей укладывают спать всех вместе в одну кровать [10, S. 319]. И кровать, выступая на протяжении всего произведения символом покоя и уюта, которого лишены герои в реальности, получила эпитет «breit» (широкая).

Концепт «дом» тесно связан с таким не менее важным для человека концептом, как «семья». И Биттенхайм – это своеобразное место воплощения представлений о «правильной» семье. В образе матери Альберта реализуется идеальный образ матери: она «*все пекала сама, даже хлеб. Она это делала просто потому, что любила печь*» [1, с. 24]. («*Alberts Mutter buk alles selbst, auch das Brot. Sie tat es, weil sie es gern tat*» [10, S. 16]). Даже в голосе матери Альберта слышалась доброта: «*...die Güte, die aus der Stimme von Alberts Mutter herausklang*» [Ibidem, S. 314].

Исследователь творчества Генриха Белля Э. А. Ильина отмечает, что одним из основных положений творческого мировоззрения данного писателя является раскрытие темы в ракурсе повседневности. Для него важны те понятия и символы, которые существуют в сфере осязаемого, чувственного [5, с. 164]. В этом смысле очень важным представляется идея совместной трапезы всех членов семьи как способ ее единения и сохранения традиций. Автор рисует нам идиллическую картину совместной трапезы в Битенхане: все едят вместе, разговаривая и смеясь. Битенхан – это место изобилия, и здесь дети могут есть все, что в реальном мире обычно недоступно: масло (*Butter* [10, S. 15]), варенье (*Pflaumenmus* [Ibidem, S. 319]), ветчину (*Schinken* [Ibidem, S. 315]), домашний хлеб (*das Brot, das Alberts Mutter selbst buk* [Ibidem, S. 15]).

Большое значение имеет также то, что в Битенхане проявляется забота о членах семьи. Дядя Билль, брат матери Альберта, с детских лет страдая «какой-то удивительной болезнью, которую все называли “ночная потливость”» [1, с. 6], после вердикта врача – «ребенка нужно беречь» – получил право на своего рода пожизненную ренту от членов семьи. Примечательно, что после рассуждений о заботе в Битенхане следует размышление по поводу жизни Генриха: «*...aber Brielach war von der Stunde seiner Geburt an nicht einen Tag lang geschont worden.*» [10, S. 17] (Пер.: «с тех пор как Генрих Брилах родился, никому и в голову не приходило хоть денек поберечь мальчика» [1, с. 6]). Такое противопоставление идеала и реальности лишь усиливает контраст и ощущение нереальности и неправдоподобности идиллии Битенхана.

Дом и семья в Битенхане, скорее, утопия, неосуществимая мечта. Генриху это отлично известно: «*Alles war schön, war glatt und rund, es war da, war aber nicht für ihn da*» [10, S. 315] (Пер.: «Хорошо здесь, все гладенько – без сучка, без задоринки, но все это не для него. Больно уж гладко! И запахи здесь один лучше другого. Пахнет свежей древесинной, печеньем, свежим тестом, но и запахи эти чужие: слишком уж хорошие!» [1, с. 177]). Генрих отмечает, что все это подходит лишь для детей («*...doch alles das war etwas für Kinder. Ihm aber konnten sie nicht vormachen: es stimmte etwas nicht*» [10, S. 314]), и, даже когда он все же улыбался, у него получилась лишь усталая улыбка взрослого человека («*und er selbst mußte lächeln, ... aber er lächelte müde, und ihm wurde in diesem Augenblick bewußt, daß er müde lächelte, so wie Erwachsene lächeln, die Sorgen haben und gezwungen werden, trotz der Sorgen zu lächeln*» [Ibidem]). Генрих даже называет Битенхан «третьим миром», существующим параллельно его собственному миру и миру общественного мнения, представленного школой и церковью: «*Es war zu schön in Bietenhahn, obwohl die Bangigkeit dort kommen würde, ein Gefühl, das ihm hier nie kam. Bangigkeit vor der dritten Welt, die zu viel war*» [Ibidem, S. 265]. (Пер.: «Очень уж хорошо было в Битенхане, хотя он и знал, что будет робеть там, чего дома с ним никогда не случалось. Но там, в третьем непонятном мире Генрих всегда робел» [1, с. 146]). Но там, в третьем, непонятном мире, Генрих всегда робел. Генрих чувствует свою отчужденность и неспособность жить в этом идеальном мире. Нереальность образа подчеркивает также тот факт, что Генрих наблюдает за происходящим не изнутри (не в доме), а снаружи, находясь во дворе дома и заглядывая в открытое окно («*durchs offene Fenster*» [10, S. 315]).

Неправдоподобность и даже некую «искусственность» идеала, подобную картинкам из туристических проспектов, замечает и Нелла Бах: «*Bietenhahn. Fachwerkhäuser in den Wald gestreut, so scheinbar planlos, und doch so geschickt, wie Ausflugsorte ihre Romantik kultivieren*» [Ibidem, S. 241] «*Битенхан. Опрятные домики рассыпаны по лесу на первый взгляд как попало, но на самом деле общий вид продуман до мелочей. Так культивируют романтику в живописных городках, приманивая туристов*» [1, с. 131].

В заключение необходимо отметить, что образ идеального «дома» в романе коррелирует с нереализованными желаниями героев и их недостижимым стремлением к «своему собственному» дому, прослеживается явная оппозиция «идеального» и «реального» миров. В качестве средств, овестьвающих идеальный образ, часто выступают эпитеты, обозначающие цвет. Понятие «дом» в произведении вбирает в себя такие микроконцепты, как «порядок», «семья» и «личное пространство». Образ «семья» также имеет свое идеальное представление в сознании героев и контрастирует с реальностью.

Список литературы

1. Белль Г. Дом без хозяина / пер. с нем. С. Фридлянд, Н. Португалова. Минск: Мастацкая літаратура, 1989. 461 с.
2. Белль Г. Франкфуртские лекции // Каждый день умирает частица свободы. М.: Прогресс, 1989. 367 с.
3. Гачев Г. Д. Ментальности народов мир. М.: Эксмо, 2008. 544 с.
4. Гете И. В. Избр. соч. по естествознанию. Л.: Академии Наук СССР, 1957. 555 с.
5. Ильина Э. А. «Непреодоленное прошлое» в романе Г. Белля «Бильярд в половине десятого» // Мишина Л. А., Иванчикова Т. В., Ильина Э. А. Немецкий писатель как философ и художник. Чебоксары: Из-во Чувашского Университета, 2002. 166 с.
6. Кандинский В. О. О духовном искусстве. М.: Объединение «МАШМИР», 1992. 108 с.
7. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ; Восток-Запад, 2007. 315 с.
8. Рожновский С. В. Генрих Белль. М.: Высш. шк., 1965. 103 с.
9. Ульманн С. Семантические универсалии / пер. с англ. Л. Н. Иорданской // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1970. Вып. 5. С. 250-299.
10. Böll H. Haus ohne Hüter. Köln: Verlag Kiepenheuer & Witsch, 1954. 330 S.

**REPRESENTATION OF NOTION “IDEAL HOME”
IN WORK “THE HOUSE WITHOUT A MASTER” BY H. BÖLL**

Ponomareva Anna Yur'evna
Russian State University
ponomareva201@yandex.com

The author reveals the content of the concept “home” in the novel “The House without a Master” by Henry Böll, and pays special attention to the revelation and description of the means of this concept representation, as well as the description of ideal family relationships, which are closely connected to the notion “home” in writer’s artistic picture of the world.

Key words and phrases: concept; language picture of the world; house; ideal image.

УДК 811.161–112/366.2

Филологические науки

В данной статье впервые осуществлена попытка комплексно проанализировать и систематизировать в лингвоисторикографическом аспекте результаты исследований русскими и украинскими лингвистами 70-х гг. XIX в. – 30-х гг. XX в. вопроса о возникновении номинативных образований мужского рода на -а во множественном числе: истоки, причины, нормы употребления и последствия в русском и украинском языках. Автор попытался проследить взаимодействие различных теорий и гипотез, их вклад в развитие историко-морфологических исследований в последующий период.

Ключевые слова и фразы: собирательные существительные; двойственное число; ударение; аналогия; унификация флексий.

Приступа Татьяна Ивановна

Донбасский государственный педагогический университет, Украина
tatiana_pristupa@mail.ru

**РУССКИЕ И УКРАИНСКИЕ ЛИНГВИСТЫ 70-Х ГГ. XIX В. – 30-Х ГГ. XX В. О ФОРМАХ
ИМЕНТЕЛЬНОГО МНОЖЕСТВЕННОГО СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ МУЖСКОГО РОДА НА -А[©]**

Появление номинативных образований на *-а* мужского рода, которые составляют специфическую особенность русского языка, явилось одним из наиболее поздних проявлений тенденции к унификации падежных форм существительных во множественном числе.

Несмотря на большое внимание, которое уделяли и продолжают уделять этому вопросу лингвисты, есть все основания считать, что возникновение форм именительного и винительного падежей на *-а* во множественном числе существительных мужского рода в древнерусском языке еще не получило достаточного исследования. Об этом свидетельствует отсутствие вплоть до настоящего времени в научной литературе единого мнения о последовательности протекания этого процесса и причинах, вызвавших его, на что указывает С. И. Иорданиди: «...схема ее (флексии *-а*) начального развития остается не совсем ясной» [7, с. 214].

Гипотезы о происхождении этих окончаний можно условно разделить на три основные группы: 1) исходной базой новых форм были собирательные существительные; 2) формы на *-а* возникли под влиянием именительного=винительного падежа имен среднего рода; 3) решающая роль в образовании новых форм принадлежит формам двойственного числа.